

Рецензия на книгу
УДК 811.512.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-455-461
EDN: VLBPWZ

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
«МУСУКОВ Б.А.-К. ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ
ПАРАДИГМА КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ТЮРКСКИХ
ЯЗЫКАХ. – НАЛЬЧИК: BINDING2016, 2023. – 163 С.»**

Мусса Бахаутдинович Кетенчиев

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, ketchiev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1656-8368>

Аннотация. Представлено и проанализировано содержание монографии Б.А.-К. Мусукова «Формально-семантическая парадигма колоративной лексики в тюркских языках», изданной в г. Нальчике в 2023 г. Рецензентом в последовательной форме дается характеристика всем двум главам книги, в которой подробно рассмотрены лексико-семантические и структурные особенности значимого пласта лексики тюркских языков, репрезентирующих номинации различных цветов. Отмечена релевантность использования автором сравнительно-исторического метода при анализе колоративов. Поливекторный анализ адъективной колоративной лексики позволил автору сделать вывод, что колоронимы отличаются от других разрядов адъективных слов своей специфической семантикой и отдельными грамматическими особенностями, а также в этнокультурном отношении, на что влияет не только система тюркских языков, но и культурно-исторический опыт их носителей. Автору рекомендовано использовать в дальнейших разработках исследовать рассматриваемый феномен с позиций антропоцентрической парадигмы современной гуманитарной науки и лингвокультурологии.

Ключевые слова: монография, рецензия, тюркские языки, колоративная лексика, формально-семантическая парадигма, цветовая геосимволика, лингвоцветовое пространство.

Для цитирования: Кетенчиев М.Б. Рецензия на монографию «Мусуков Б.А.-К. Формально-семантическая парадигма колоративной лексики в тюркских языках. – Нальчик: Binding2016, 2023. – 163 с.» // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 455-461. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-455-461. EDN: VLBPWZ.

© Кетенчиев М.Б., 2024

Book Review

**REVIEW OF THE MONOGRAPH «MUSUKOV B.A.-K. FORMAL
SEMANTIC PARADIGM OF COLORATIVE VOCABULARY
IN TURKIC LANGUAGES. – NALCHIK: BINDING2016, 2023. – 163 P.»**

Mussa B. Ketchiev

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik,
Russia, ketchiev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1656-8368>

Abstract. The content of B.A.-K. Musukov's monograph "The formal semantic paradigm of color vocabulary in Turkic languages," which was published in Nalchik in 2023, is given and stud-

ied. The reviewer characterizes the two chapters of the book consistently by surveying the lexico-semantic and structural aspects of a considerable layer of vocabulary from Turkic languages representing nominations of various colors. The author's use of the comparative historical technique in the examination of colorants is emphasized. A multivector analysis of the adjectival colorative vocabulary led the author to the conclusion that coloronyms differ from other categories of adjectival words in their specific semantics and individual grammatical features, as well as in ethnocultural terms, which are influenced not only by the Turkic language system but also by their speakers' cultural and historical experiences. It is suggested that the author adopt the anthropocentric paradigm of modern humanities and linguistics to study the issue in question in future research.

Keywords: monograph, review, Turkic languages, color vocabulary, formal semantic paradigm, color geosymbolics, linguistic color space.

For citation: Ketenchiev M.B. Review of the monograph «Musukov B.A.-K. Formal semantic paradigm of colorative vocabulary in Turkic languages. – Nalchik: Binding2016, 2023. – 163 p.». IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 455-461. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-455-461. EDN: VLBPWZ.

© Ketenchiev M.B., 2024

Цветобозначения релевантны для описания и различения объектов окружающего мира, т.е. восприятие цвета есть важнейшее орудие познания мира, и данный феномен как основное визуальное качество чего-либо, воспринимаемое человеком, значимо для его жизнедеятельности. Люди к понятию цвета часто обращаются в обиходе, например, при приобретении различных вещей, в силу чего роль колоративов значительна во многих культурах, в том числе и в тюркской.

Цвет и сопряженные с ним понятия традиционно являются объектами исследования ученых, которые специализируются в области как гуманитарных (философия, психология, культурология, языкознание и др.), так и естественных (биология, физика, химия и др.) наук. Восприятие же его связано с языковым, культурно-историческим опытом социума, а сама система цветобозначений представляет собой важный элемент языковой картины мира того или иного народа. Носители различных языков на протяжении своей жизнедеятельности по-своему воспринимают окружающий цветовой мир, что нашло отражение и в системе номинаций цветов в языке. Благодаря этому в словарном составе каждого языка сложилась так называемая колоративная лексика, которая нацелена на интерпретацию специфики объектов окружающей действительности, детерминированную особенностями национального характера. Этим и обусловлена актуальность тех направлений в современной науке о языке, которые нацелены на раскрытие проблем взаимосвязи языка, культуры и мышления. По этой же причине ученые-лингвисты в своих исследованиях ориентируются на отражение в языковых единицах различных уровней национально-культурной специфики этноса. Монографию Б.А.-К. Мусукова «Формально-семантическая парадигма колоративной лексики в тюркских языках» тоже можно отнести к этой серии научных работ, актуальных для современной лингвистической науки.

Рецензируемая монография характеризуется несомненной научной новизной, поскольку в ней автором впервые осуществлен поливекторный анализ

большого массива колоративной лексики, функционирующей в целом ряде тюркских языков.

Следует отметить также теоретическую и практическую значимость работы. Автором внесен значимый вклад в научно-теоретическую интерпретацию колоративной лексики тюркских языков. Достигнутые им научные результаты релевантны для дальнейшего системного изучения лексикологии тюркских языков в целом, а реестр колоронимов, привлеченных для анализа, послужит добротной базой для составления сравнительного словаря колоронимов тюркских языков.

Монография характеризуется высокой степенью достоверности основных выводов и практических результатов исследования, что обеспечивается непротиворечивостью исходных теоретических положений, составляющих основу разрабатываемой автором концепции, использованием апробированной в традиционной тюркологической науке методологии относительно структурно-семантических и иных характеристик колоронимов, которая вместе с тем отражает и положение о связи языка, мышления и культуры.

Рассматриваемая монография Б.А.-К. Мусукова в структурном отношении состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и реестра условных сокращений.

Во **вводной части** работы автор удачно обосновывает то, по какой причине он обратился к исследованию формально-семантической парадигмы колоративной лексики в тюркских языках, обозначая при этом ряд ее важных особенностей. В этом отношении следует согласиться с ним в том, что «колоративные слова, будучи одной из важнейших категорий познания мира, пространства и времени, движения и диалектики, описывающие реальность, занимают в словарном составе тюркских языков важное место» [Мусуков 2023: 3].

Особо импонирует в работе **первая глава**, которая называется «Обозначение геосимволики в тюркских языках». В ней автор последовательно и скрупулезно с привлечением значительного массива иллюстративного материала и научно-теоретических публикаций, ссылаясь при этом на труды авторитетных лингвистов, выявляет и описывает основные способы номинации свободных и лексикализованных словосочетаний с помощью колоративных компонентов в тюркских языках. При этом, конечно же, делается упор, и не без оснований, на дескрипции, содержащие в своем составе адъективные лексемы так называемого «основного цветообозначения».

Автором интересные наблюдения приведены относительно отражения растительного мира в тюркской ономастике с помощью колоративных слов. Он не ограничивается констатацией того, что колоративная лексика в тюркских языках функционирует при вербализации и номинации растительного мира в ономастике. Так, он вполне правомерно отмечает тот факт, что универсальной лексико-семантической особенностью цветообозначающих словосочетаний, образованных с помощью слов *агъач* «дерево» и *терек* «дерево», является возможность образования их посредством синонимических рядов в пределах единого цветообозначения, ср.: *акъ агъач* и *акъ терек* в значении «тополь, осина».

Важной составляющей первой главы работы является интегративная специфика терминологических названий предметов, связанных с колоративной лексикой. Речь идет о том, что при обозначении внешних особенностей отдельных предметов в тюркских языках обнаруживается их ассоциативная связь с определенными цветами, находящимися в синонимическом ряду таксономий. В карачаево-балкарском языке, например, *бауур* «печень» представляет собой орган кого-либо, оличающийся краснотой. По этой причине и употребительна дескрипция *бауур бетли* «цвета печени», служащая для обозначения цвета какого-либо предмета.

Рассматривая деривационные особенности адъективных колоративов, Б.А.-К. Мусуков приходит к правомерному выводу о том, что, несмотря на единую историческую основу, прилагательные цвета в тюркских языках имеют разнящийся в них набор словообразовательных средств.

Безусловно, колоративы характеризуются в тюркских языках и этнокультурной значимостью. В доказательство этого автор специально останавливается на номинациях этноплеменных объединений различных тюркских народов. Таких этнономинаций в работе встречается достаточно много: *ак-бура*, *алатай*, *карабалых*, *конгур-бурк*, *куба*, *кунгур*, *кызыл-бурк*, *сары-джумарт*, *сары-уйсунь*, *сегиз-сары* и т.п. Он останавливается и на различных их интерпретациях.

Адъектив *акъ* «белый», употребляющийся в дескриптивных обращениях также широко распространен. Всем, например, известно слово *аксакал* как уважительное обращение к почтенному человеку (букв. *белобородый*). В имеющейся научно-теоретической литературе подчеркивается, что такое обращение в тюркской среде связано с почитанием возраста человека. В рассматриваемой монографии приводятся интересные семантические интерпретации этой значимой лингвокультуремы: а) старейшее и видное лицо из семьи или рода; б) глава рода; в) староста села; г) начальник, смотритель, надзиратель; д) член общественного совета и др. Важным представляется и гендерное восприятие цвета: *ақ ара* «бабушка (букв. белая, старая мать)»; *ау бирçäk* «старая женщина, которая руководит домашним хозяйством (букв. белые кудри)» и др.

В работе нашли свою нишу и сочетания колоронима *акъ* с целым рядом значимых субстантивов: *ақ kölmäk* «чистая рубашка, сорочка», *ақ kir* «чистое белье», *ақ намаз* «чистая молитва», *ақ nikah* «чистый брак», *ақ nēt* «чистое намерение», *ақ уöзö* «имущество, приобретенное честным путем», *ақ mäl* «белый скот», *ақ qöñül* «чистое сердце» и т.п. Подобные дескрипции призваны отражать в тюркской лингвокультуре такие социально релевантные понятия, как чистота, незапятнанность, непорочность, что подмечено автором.

Следует согласиться с автором и в том, что рассматриваемый им колороним напрямую связан с репрезентацией счастливой судьбы человека, в пользу чего свидетельствует приведенный в монографии богатый иллюстративный материал из различных тюркских языков: *ау baxt* «белая, т.е. счастливая судьба», *ау qünlü* «счастливый», *ақ күн* «счастье», *ақ күnlü bol* «будь счастлив», *ақ yolun açilsin* «пусть тебе откроется хорошая дорога», *Allah ақ yol birsin* «пусть Аллах даст хорошую, счастливую дорогу» и др.

Небезынтересны и данные относительно того, что лексема *aq* в тюркских языках является облигаторной составляющей устойчивых словосочетаний с метафорическим значением для репрезентации материального уровня или благосостояния лица. В работе отмечается, что черная одежда, палатка и остальное свидетельствуют о бедности владельца, тогда как белый цвет представляет собой показатель материального благосостояния и богатства: *aq tondu* «с белым тулупом (богач)», *ak uy* «богатая роскошная юрта», *aq tütin* «богатая юрта», *aq saray* «белый дом (дворец властителя, государя)», *aq hөйэк* «белая кость (представитель зажиточного сословия)».

Монография изобилует и эмпирическим материалом, который отражает наличие в тюркских языках значительного пласта фитонимов и зоонимов, вбирающих в свой состав рассматриваемый адъектив: *aq baba* «ромашка», *aq bardaq* «снежный цветок (крокус)», *ay yasamän* «белый жасмин», *акъ терек* «тополь», *акъ мырзы* «береза»; *aq kik* «белый олень», *aq tüö* «белый верблюд», *aq tüyin* «белая белка», *aq as* «горностай», *агъаз* «ласка», *aq baliq* «белорыбица», *aq çičqan* «белая мышь» и др.

Вызывает неподдельный интерес и **вторая глава** монографии, которая получила название «Категоризация лингвоцветного пространства с помощью колоративной лексики».

Данную главу предваряет параграф (2.1.), в котором исследуется то, каким образом образуются собственно колоративные конструкции посредством изафетных форм. При этом упор делается на то, что в тюркских языках встречаются атрибутивные словосочетания изафетного типа, употребляющиеся как в прямых, так и в переносных значениях, ср.: *jüz agы, алын агы* «белизна лица; честность». Из этого следует, что атрибутивные лексеммы как семантически самодостаточные единицы обладают большим смысловым объемом, четкими границами лексико-семантических вариантов, легко варьируют свое лексическое значение и в силу этого проявляют чрезвычайно широкую сочетаемость, имея при этом немало семантических значений. Автором относительно изафетных форм актуализируется следующее: внутри структурного сочетания «определение + определяемое (имя прилагательное + имя существительное)», функционирующего в речи как «сдвоенное наименование», отмечаются семантические модификации значений и определяемого (имени существительного), и определения (имени прилагательного).

В тюркских языках имеет место также образование собственно сложных фитонимов в результате преобразования изафетных форм в лексические единицы. Это подтверждается фактологическим материалом из различных тюркских языков. Приведем примеры со стержневым компонентом *алабута*: *зернале алабута, қара алабыта, қызыл алабота, қызыл алабута, қара албада, йомыры башлы алабота, йомша алабота* – «амарант, ширица»; *йомшақ алабыта, ақ алабыта, ақ алабота, чәчмә алабыта* – «лебеда, марь обыкновенная»; *сасы алабута* – «марь вонючая»; *тирес алабутасы, энже алабатасы* – «белая лебеда». На основе анализа растений Б.А.-К. Мусуков, как и другие тюркологи, приходит к правомерному выводу, что народные названия растений слабо подвержены влиянию литературного языка, так как этот разряд отраслевой лексики

отражает особенности окружающего растительного мира, местной флоры. Им подмечена и такая особенность народных названий растений, как выполнение ими ограниченной коммуникативной функции. Все это раскрывается автором в параграфе 2.2.

Работа выглядела бы неполной, если бы в ней не отразилась специфика образования терминоединиц в тюркских языках, но и эта проблема решена автором. Особое внимание он уделяет колоративам как терминообразующим компонентам в составе названий крупного (*гызыл мал, гызыл нахыр, гырмызы мал, курэн мал* и др.) и мелкого (*аһал кечи, гараваши гојун, јаһал кечи* и др.) рогатого скота. В данном случае речь идет о номинации животных по масти и цветовым особенностям.

В заключительной части автор подводит итоги исследования и делает релевантные для колоративной лексики выводы, которые сводятся в основном к следующему: а) слова со значением цвета составляют значительный семантический разряд тюркских качественных имен прилагательных; б) для колоративов характерна полисемантичность (особенно в этнокультурном отношении); в) наряду с интегрирующим началом колоративам присущ в каждом отдельно взятом тюркском языке свой набор словообразовательных маркеров; г) адъективы цвета употребительны в различных тематических областях.

В целом работа выполнена на высоком научно-теоретическом уровне, а результаты исследования не вызывают сомнений. Вместе с тем считаем возможным высказать автору некоторые замечания и пожелания:

1. Во введении работы необходимы были четкие формулировки, которые обязательны для каждой научно-теоретической работы: а) актуальность, б) научная новизна, в) методы исследования, г) теоретическая и практическая значимость.

2. Можно было бы объединить параграфы 1.4. «Обозначение цветовой геосимволики в физико-географических объектах в тюркских языках» и 1.5. «Отражение растительного мира в тюркской ономастике с помощью колоративных слов», так как в обоих параграфах превалирует флористический материал.

3. Желательно было бы вычленив параграфы 1.9.1. – 1.9.7. и объединить в одну отдельную главу «Этнокультурные особенности колоративной лексики», поскольку это, на наш взгляд, диктуется самим содержанием этих параграфов, в которых актуализируются в большей степени: а) участие колоративов в номинации этноплеменных объединений тюрков (1.9.1.); б) символическая составляющая цвета *акъ* «белый» в культуре, флоре и фауне (1.9.2 – 1.9.7.).

4. Автор порой проявляет некоторую категоричность относительно того, зафиксировано то или иное слово в различных тюркских языках. Например, он пишет, что слово *башакъ/машакъ* в карачаево-балкарском языке в значении «колос» не употребляется, однако его можно найти в составе единственного цветообозначающего словосочетания *къарамашакъ*, выступающего как сложное слово с пейоративной семантикой «человек темной внешности». С таким утверждением трудно согласиться без оговорок. Действительно, это слово не обнаруживается в словарях, но еще в доперестроечное время жители горных балкарских сел выезжали на равнину для сбора зерновых, оставшихся после

жатвы на полях. Этот обычай назывался *масакъ жыяргъа барыу*. Это выражение условно можно перевести на русский язык следующим образом: «ходить собирать колосья (оставшиеся после жатвы); ходить собирать остатки кочанов кукурузы (после уборки)». Такой вариант к тому же отмечен самим автором у кумыков, которые наиболее близки к карачаевцам и балкарцам: *машакъ жыймакъ* «собирать колоски». Это говорит о том, что необходимо учитывать не только данные лексикографических источников, но и материал полевых исследований.

5. Работу украсили бы современные научно-теоретические изыскания отечественных и зарубежных авторов (А.Б. Базыма, А. Вежбицкая, В.И. Карасик, С.В. Кезина, М.А. Кронгауз, Г.Г. Слышкин, Е.Н. Юстова и др.), которые внесли весомый вклад в изучение рассматриваемого феномена с позиций антропоцентризма и лингвокультурологии.

6. Не было бы излишним и наличие в конце работы словаря колоронимов, представляющего собой приложение, отражающее номинации цветов в различных тюркских языках с указанием их этнокультурных значений.

Однако данные замечания не влияют на нашу общую высокую оценку монографического исследования Б.А.-К. Мусукова. Оно имеет целостный и самостоятельный характер, содержит собственную интерпретацию нового фактологического материала и значимые результаты, вносящие весомый вклад в развитие современной лингвистики (тюркологии) в части колоративной лексики, что достигнуто корректным использованием различных приемов релевантных для сравнительно-исторического метода, важного для изучения лексики тюркских языков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Мусуков 2023 – *Мусуков Б.А.-К.* Формально-семантическая парадигма колоративной лексики в тюркских языках. – Нальчик: Binding2016, 2023. – 163 с. EDN: WMKUXI.

REFERENCES

MUSUKOV B.A.-K. *Formal'no-semanticheskaya paradigma kolorativnoi leksiki v tyurkskikh yazykakh* [Formal semantic paradigm of colorative vocabulary in Turkic languages]. – Nal'chik: Binding2016, 2023. – 163 p. (In Russ.)

Информация о рецензенте

М.Б. Кетенчиев – доктор филологических наук.

Information about the reviewer

M.B. Ketenchiev – Doctor of Science (Philology).

Рецензия поступила в редакцию 05.07.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The review was submitted 05.07.2024; accepted for publication 25.09.2024.